

Михаил ЗЕМСКОВ

Дорогие читатели и авторы журнала «Простор», поздравляю вас с 90-летним юбилеем журнала и с наступающим Новым Годом! В тревожное и сложное время – как то, в котором мы живём сейчас, я всегда вспоминаю слова Жамбыла о поэзии: «Настоящая поэзия – это то, что утешает, не обманывая». То же, наверное, можно сказать и о литературе в целом: настоящая литература – это то, что утешает, не обманывая. Я желаю нам всем быстрее пройти через непростые времена войн, человеческого разобщения, и пусть литература будет для нас утешением и мудрым проводником к взаимопониманию и добру.

САКСОФОН ГАВРИИЛА

(журнальный вариант)

*Иисус же сказал им вторично: мир вам!
как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас.
Сказав это, дунул...
Ин. 20:21-22*

***

Я смотрел в окно. Темно-серая, почти черная, крыша соседней машины была покрыта мелкими каплями воды. Дождь закончился совсем недавно – именно в тот момент, когда я открыл пассажирскую дверь своей «Реношки» и влез внутрь сухого – слишком сухого! – салона.

Дождь закончился, выглянуло солнце, и стало тихо. Нужно было спешить, гнать, уходить от погони... Завести двигатель, включить скорость и утопить педаль газа. Но я сел не на водительское, а на пассажирское сиденье. Сел и посмотрел на прозрачные капельки воды на крыше соседней машины.

Лена в зале? «Специальный гость»? Как это могло произойти?

Совершенно несовместимые вещи непостижимым способом сложились вдруг вместе, превратившись в странное уродливое создание, которому теперь ничего не стоит меня раздавить. «Браво, Лена...», – с усмешкой повторил я.

Хотя, может быть, наоборот – к финалу всё сошлось вместе по закону некой высшей и недоступной для моего понимания гармонии? Ведь

Михаил Земсков – казахстанский прозаик и драматург. Автор четырех книг прозы и многих публикаций в зарубежных литературных журналах. Дважды лауреат «Русской премии». Директор Открытой литературной школы Алматы. Выпускник сценарно-киноведческого факультета ВГИК. Член Союза писателей Казахстана, Союза писателей Москвы и Международного Казахского Пен-клуба.

начиналось всё с неожиданного появления Лены в моей жизни и заканчивается теперь таким же неожиданным ее возвращением – в самом непредсказуемом месте, в самое непредсказуемое время.

Началось ведь всё действительно с нее. Даже психотерапевт мне это подтвердил.

– Молодой человек, можно три? – она оглядывалась по сторонам, так, что было непонятно, с кем она говорила. Но кроме меня в той комнате в тот момент никого не оказалось.

– Что «три»? – подняв брови, посмотрел я на нее.

– Ну вот... Три... – Девушка неопределенно взмахнула пальчиком с ярко-красным ногтем, – три оливки, в «мартини».

Я кинул три оливки в подставленный бокал.

– Спасибо. Меня зовут Лена.

Теперь я здесь, рядом с машиной. Надо спешить, а я наблюдаю за прозрачными катышками воды.

Я приложил руку к горлу и посмотрел на себя в зеркало заднего вида. Но ведь нужно спешить, гнать, рвать когти... Повернув голову, я увидел, как к машине бежали двое, один выше, другой толще. Оба недовольные и злые. Вдалеке за ними появились еще фигуры, на бледных конях, со сверкающими на выглянувшем из-за туч солнце клинками шашек. Они скакали или летели? В ту минуту мне казалось, что всё происходит слишком долго.

ЧАСТЬ 1

1

Меня зовут Илья. Мне тридцать пять лет. До недавнего времени я работал в мебельной фирме, администратором. Для меня администратор – хорошая должность, простая, понятная, без лишней ответственности и стрессов. Сходил в одно место, в другое, что-то принес, что-то отвез. Всё время с кем-то общаешься, у кого-то берешь, кому-то отдаешь, заполняешь бумажки. Всё просто – и это главное.

По ночам я любил играть в «стрелялки». Бегать и палить из всех видов оружия – это здорово. Моя работа в мебельной фирме тоже была похожа на игру – только без стрельбы. Одни и те же места и помещения. Одни и те же перемещения, дела, документы. Побегал туда – сделал то-то. В другую сторону – сделал еще что-то. Переместился по карте в пункт А – забрал документы, переехал в точку В – отдал документы, забрал вещи. Простые задачи для простых парней – как в «стрелялке».

Той ночью я, как обычно, включил компьютер, вошел на игровой сервер. Превратился в ловкого бойца с автоматом. Привычный бег по катакомбам. Вперед – к цели. Победить плохих, спасти хороших. Вдруг я получил пулю в спину. Но еще не убит. Быстро обернувшись, выпустил очередь и спрятался за ближайшим углом. Инстинкт: когда в тебя стреляют, стреляешь в ответ и прячешься. Потом – всё остальное. Выглянул из-за угла. Мой враг – старик в плаще, с пистолетом. Я невольно усмехнулся. Какой-то глупый новичок, которому повезло. Не надеется же он убить меня одним своим пистолетом. Но он поднял руку и снова выстрелил в меня. Чайник-дебил. Я выскочил из-за укрытия, дал хорошую очередь. Он успел запрыгнуть в окно соседней комнаты. Запрыгнул лихо, ничего не скажешь. Потом выстрелил из окна и попал в меня. «Нет, с та-

кими нужно кончать сразу». Я бросился к окну, безжалостно расстреливая обойму. Но его в комнате уже не оказалось, а я снова получил пулю в спину, потом еще одну и... умер.

Старик в плаще подошел ко мне. Я думал, что он заберет автомат, но он просто молча смотрел на меня.

«Чё ты телишься... Забирай оружие и беги. Тебя же сейчас кто-нибудь другой пришьет...» Но он стоял и смотрел. Потом, так и не взяв оружия, развернулся и неторопливо пошел прочь. Мне в голову вдруг пришла странная идея. Я быстро набрал на клавиатуре сообщение и послал его старику:

«В чём твое предназначение?»

Старик остановился.

«Пить коктейль», – пришел ответ. И сразу вслед за ним: «Сколько тебе лет?».

«35. А тебе?»

«15, – и потом приписка: – Скоро будет. Почему ты спросил о предназначении?»

«Просто так».

«Просто так о предназначении не спрашивают. А в чем твое предназначение?»

«Не знаю. Как раз думаю об этом».

«Об этом ведь не думают. Это чувствуют».

Теперь четырнадцатилетний мальчишка учит меня жизни...

«Ты про свой коктейль почувствовал?» – усмехнувшись, написал я.

«Конечно. До сих пор чувствую. Правда, коктейль скоро кончится. У тебя скайп есть? Можешь посмотреть на меня в скайпе».

Я загрузил скайп. Набрал указанное имя пользователя. Открылся экран видео. Передо мной появилась молоденькая девчонка со спокойным взглядом красивых серых глаз. Русые волосы собраны в хвостик.

«Ты девчонка?» – невольно вырвалось у меня.

«Наверное», – написала она, потом взяла бокал с трубочкой и допила его содержимое – судя по всему, молочный коктейль.

«Вот я и выполнила свое предназначение», – пришло от нее сообщение.

«Вообще ведь уже поздно. Тебе спать, наверное, пора» – из каких-то приличий написал я.

«Ты хочешь, чтобы я ушла спать?»

«Нет, – честно признался я. – Как тебя зовут?»

«А тебя?»

«Илья».

«Маша».

Я чуть было не написал «очень приятно». Но подумал, что это будет уж слишком старомодно и вместо этого спросил:

«Ты сегодня в первый раз играешь?»

«Нет. Давно уже играю».

«Почему тогда у тебя всего лишь пистолет?»

«Мне с ним нравится. Так прикольнее».

– Зая, тебе вставать на работу.

Лена прижалась губами к моей щеке:

– Пора на рабо-о-ту-у. Как ты спал?

– Мало.

– Опять бессонница?

– Ага.

Тяжелое утро начинается с тяжелого пробуждения. Даже Лена не может облегчить его тяжесть.

Мы жили с Леной вместе почти пять месяцев. «Уже» или «всего»? Лена по утрам жизнерадостно ела овсянку. Я пил компот со слимфастом, со всем не жизнерадостно – из-за бессонницы и ночных кошмаров. Когда я засыпал, часто видел яркое белое небо. Абсолютно белое, нависшее сверху – оно казалось искусственным. Сияющий бескрайний купол то ли хотел раздавить меня, то ли поглотить в себя. В какой-то момент оно вдруг начинало разрушаться, на мгновение я чувствовал облегчение. Но отламывающиеся части белой материи постепенно превращались в веревку – в серебряную веревку, которая оплетала меня и тянула за собой. Это всё происходило невероятно медленно и долго.

Купол не мог разрушиться полностью. Веревка не могла оплести меня и утянуть за собой. Бесконечность процесса без достижения результата была невыносимо ужасающей. Я просыпался в холодном поту. Но иногда не мог проснуться, и такие ночи были страшнее всего. Весь мой сон превращался в поиск способа проснуться – рвать веревку, пытаться убежать, ущипнуть себя, ударить по щеке – или как-то еще физически подействовать, чтобы заставить тело вырваться из липкого и бесконечного пространства домой. Когда наконец удавалось проснуться, я почти физически чувствовал проникшую в квартиру тревогу, которая теперь не даст мне спать. Я мог разбудить Лену, прижаться к ней, и в ее объятиях попробовать найти успокоение и теплое убежище от тревоги, но мне всегда было жалко прерывать ее сон, и вместо этого я шел к компьютеру.

– Завтрак на столе, – улыбается она.

– Спасибо, милая.

– Что же ты делал ночью?

– Поиграл немного. Пока снова не захотел спать.

– Мне кажется, что твоя бессонница и кошмары от твоих игр.

– Наоборот, они меня успокаивают.

Яичница на тарелках. Булочки. Кофе. У Лены случалось такое один-два раза в неделю. Наверное, в такие дни проявлялось ее стремление к домашнему уюту.

– Спасибо, – я обнял ее и поцеловал в щеку.

Около моей тарелки лежала большая мельхиоровая вилка, которую я терпеть не мог.

– Что, других вилок нет? Ты же знаешь, я эту не люблю, – я повертел большую и неуклюжую вилку в руке.

– Знаешь, у нас опять куда-то делись вилки. Позавчера было еще три, а сегодня осталось уже две. Ты ночью, когда просыпался, ничего не ел?

– Ничего, честно. У меня же запрет на ночной дождор. Только стакан компота выпил.

– Странно. Еще две недели назад у нас было пять вилок. Две больших мельхиоровых, которые ты не любишь, и три небольших, из нержавеющей стали. А сегодня осталась только одна мельхиоровая и одна из нержавеющей стали.

– Очень странно, – я опустил зубцы вилки на яичницу, отделил кусок.

– Куда могли деться три вилки? Может, за плиту завалились?

– Да, очень странно, – согласился я. Действительно, у меня в жизни никогда еще такого не случалось. – Давай вечером отодвинем плиту и тумбочки и посмотрим.

– Давай, – вздохнула Лена. – Илья, я сегодня подумала об одной вещи. А если твои кошмары происходят из-за того, что расположение нашего дивана не соответствует фэн-шую?

– Может, переставить его?

– Тогда нам нужно будет куда-то выбросить тумбочку с телевизором.

– Жалко.

– Мне тоже.

Она разочарованно вздохнула:

– Мне кажется, что тебе нужно обратиться к психотерапевту.

Я недоверчиво посмотрел на нее:

– А психотерапевт не захочет положить меня в психбольницу?

– Нет. В психбольницу кладут психиатры. А психотерапевты принимают обычных людей. Во всяком случае, мой знакомый психотерапевт – такой.

– У тебя есть знакомый психотерапевт?

– Конечно. Я думаю, что было бы очень хорошо, если у каждого человека был знакомый психотерапевт. Давай я отведу тебя к нему сегодня?

– Давай завтра.

– Хорошо, давай завтра.

В парке немногочисленно. Мы с Машей договорились встретиться у фонтана. Я пришел раньше времени. Огляделся по сторонам, прогулялся взад и вперед. В кустах за скамейкой послышалась какая-то возня, приглушенные голоса. Я прошел по тротуару дальше, обернулся на кусты. С этой точки можно было разглядеть четырех девочек-школьниц. Трех стройных, разного роста, и одну крупную, высокую и ширококостную, с плоским лицом и длинными черными волосами. Она вдруг дала пощечину самой мелкой из остальных – в белой блузке и темно-синей юбочке.

– Ты чё... – взъярилась та, схватила черноволосую дылда за грудки.

– Держите её, – приказала дылда остальным. Те схватили мелкую за руки.

Дылда пнула ее коленом в грудь:

– Вырядилась, тварь...

Дылда суетливо и неуклюже провела серию коротких ударов. Но маленькая ухитрилась вырвать одну руку и схватить обидчицу за длинные волосы.

– Держите же ее, держите! – взвизгнула та.

Афродита, нагая, белоснежная, выходила из белоснежной же морской пены. Из-за кустов на нее смотрел Пан, ошеломленный, пришибленный и раздавленный красотой, потерявший способность хоть как-то двинуться и сойти с места. Я был тем Паном, когда глядел на дерущихся девочек.

Необъяснимо волнительное, с явным сексуальным привкусом чувство неожиданно захлестнуло меня. «Здравствуй, Пан...» – «Здравствуй, Илья...» – «Фигеешь?» – «Фигею...»

Дылда взвизгнула громче.

– Получи, коза, – мелкая пнула ей между ног. Знакомый голос из компьютера.

– Маша? – я наконец очнулся и бросился к девочкам. Ее мучительницы пустились наутек. Это действительно была Маша. Ее волосы растрепались, блузка выбилась из юбки, левая щека покраснела.

– Да придет Спаситель! – нервно рассмеялась она.

– Извини, я промедлил. Ты меня видела?

– Угу. Но это нормально. Я умею драться.

– Я промедлил, потому что вид дерущихся девчонок вдруг вызвал во мне странное чувство – что-то сексуальное. Я просто тебе говорю честно, потому что мне стыдно, что я промедлил, и чувствую, что нужно откровенно во всем признаться...

– Да, сексуальное, – укладывая волосы и заправляя блузку, она продолжала странно прихихикивать к своим словам. – Я подарю тебе сексуальность, как-нибудь...

Мы сели на лавочку. Маша окончательно привела себя в порядок – словно и не было никакой драки, потом внимательно посмотрела на меня.

– За что они тебя? – спросил я.

– За свою зависть. Узнали, что я на свидание пошла, и выследили. Ну и еще за то, что я в компьютерный зал пролезла, а директриса узнала и всем разгон устроила. Они все против меня.

– В школе, что ли?

– Ага, в школе, в школе, – Маша отвернулась.

– Это твои одноклассницы?

– Ага, одноклассницы, – она потерла нос. – Пить так хочется.

– Пойдем, я куплю тебе воды.

– Может, по пиву?

Я посмотрел на нее с улыбкой:

– Ну, давай по пиву.

Мы направились в сторону ларьков.

Всё происходило странно и непредсказуемо – с самого момента появления Маши в образе старца с пистолетом, с помощью которого (пять пуль – пять точных выстрелов) она лишила меня жизни в виртуальном мире. Я даже не помню, кто из нас предложил встретиться – в парке культуры и отдыха. В нашей встрече действительно было что-то и от культуры, и от отдыха. Немного пива, немного разговоров, немного каруселей. Старые деревья пронеслись и мелькали мимо, быстрее и быстрее. Потом Маша попросила меня посадить ее на такси, но не провожать.

Я не понимал, к чему это всё. Но когда смотрел на Машу – неожиданно чувствовал в ней как будто ту же самую субстанцию, из которой состояла серебряная нить в моих кошмарах. Только теперь ощущение ее присутствия рядом со мной вызывало скорее радостное волнение, чем ужас (хотя смутная тревога тоже присутствовала). А еще невероятное любопытство.

Когда я вернулся домой, Лена смотрела телевизор. Она дежурно поцеловала меня в щеку:

– Ужин в холодильнике. Разогреешь сам?

Я прошел в прихожую переодеться.

– Ты не сварила компот сегодня?

– Ты не просил. Но я виновата. Как любящая хозяйка, я всегда должна помнить, что ты любишь домашний яблочный компот.

– Я не обвиняю тебя, милая, – повесив брюки в шкаф, я вернулся в комнату и чмокнул ее в щеку, – но компот ты можешь варить в любое время – и никогда не ошибешься. Я всегда пью его с удовольствием.

– Так оно и будет. Непременно.

Вкус компота, который варила Лена, напоминал мне детство. Я даже удивился, когда в первый раз его попробовал. «Точь-в-точь как у моей мамы!» – воскликнул тогда невольно. «Рада, что угодила тебе», – Лена расплылась в довольной улыбке.

Лена и внешне была немного похожа на мою маму. Полноватой фигурой, цветом волос, чем-то неуловимым в плавных чертах лица и мимике. Может быть, из-за этого мы так легко сошлись с ней?

– Лена, ты не видела мои новые серые носки?

– Я их выбросила.

– Почему?

– Шутка.

Носки оказались за диваном. Наверное, в этом был виноват секс накануне.

– Лена, ты не видела мой ремень?

Она появилась в дверях, молча посмотрела на меня с озабоченным видом.

– Почему ты не отвечаешь? – удивился я.

– Ты потерял две вещи в один день. Это очень странно.

Лена исчезла из дверного проема так же быстро, как в нем возникла. Возможно, она решила, что меня подменили инопланетяне. Может, действительно, подменили? Я посмотрел на свои ладони. Потом вдруг заметил ремень под шкафом. Наверное, тоже был виноват вчерашний секс.

– Илья, я сегодня подумала об одной вещи. Расположение нашего дивана в комнате не соответствует фэн-шую.

– Ты уже думала об этом, и даже говорила мне.

– Да, действительно... Ну... Может, нам переставить диван? У меня большая неуверенность из-за этого не-фэн-шуя.

– Неуверенность, когда лежишь на диване или когда смотришь на него?

Она задумалась:

– Я даже не знаю. По-моему, когда смотрю, то больше.

– Но если мы переставим его, то нужно будет куда-то выбросить тумбочку с телевизором.

– Я не хочу.

– Я тоже.

Лена вместе с сестрой Ирочкой, которая была младше ее на три года, владела тремя салонами сотовой связи. В ее сумочке обычно можно было найти несколько моделей телефонов. Иногда Лена была неразговорчивой, а иногда – болтливой, в зависимости от настроения. Мне больше нравились те моменты, когда Лена была в настроении говорить – болтать о ерунде, сплетничать, улыбаться. Язык ее развязывался, взгляд блуждал по сторонам, внимание свободно гуляло по самым разным предметам и темам, ни на чем не сосредотачиваясь надолго. В такие моменты могло даже показаться, что она слегка пьяна от собственного потока речи.

Мы с Леной сидели за столом на кухне друг напротив друга. Я смотрел на ее длинные, каштанового цвета волосы. Она – то на меня, то на окружающие предметы:

– Слушай, я еще не рассказала тебе самое главное! Я вчера ночью видела НЛО.

Я рассмеялся.

– Нет, серьезно... Я видела настоящее НЛО, почти самым утром. По-моему, оно меня и разбудило. Я почувствовала какой-то свет на лице, как будто мягкое и нежное прикосновение. Проснулась, открыла глаза, и – смотрю – прямо передо мной в окне светящийся разными огнями объект. И свет этот такой теплый и нежный. Как будто он специально хотел меня приласкать, подружиться со мной, показывал мне себя, чтобы познакомиться. Типа, посмотри на меня, я – добрый, я – твой друг. Я хочу

установить с тобой контакт. Чтобы ты, возможно, стала послем доброй воли от твоей планеты, и через тебя мы установили бы контакты между нашими цивилизациями. Короче, очень теплое и дружелюбное шло от него свечение. И я как будто наполнилась этим свечением, этой инопланетной энергией. Это совершенно непередаваемые ощущения.

– Почему ты не разбудила меня? – с сомнением спросил я.

– Жалко было тебя будить. Ктому же он как будто светил только для меня...

– Ага-ага... – сомнения во мне прибавилось. – И что потом было?

– Ну... Мы минут пятнадцать так друг на друга смотрели, а потом оно – фьють – и улетело.

– Как оно улетело?

– Прямо взяло – и улетело. Сначала еще покачивалось немного из стороны в сторону, потом влево так – фьють-фьють-фьють – и улетело из окна.

– А ты что сделала?

– Ничего. Оно же улетело. Я просто закрыла глаза и уснула.

– И ты даже не попыталась его сфотографировать? Просто взяла и уснула?

– Да, просто уснула. Оно ведь улетело. Но такое классное чувство внутри было. – Она восторженно закатила глаза. – Что я не одна... Что мы, земляне, не одни.

Почему мы так запросто познакомились и сошлись с Леной? С ней всё происходило легко. Меня это немного удивляло. Временами, поддавшись неожиданной паранойе, я даже находил это подозрительным. Мы оказались похожи почти во всех мелочах, почти во всех предпочтениях и вкусах... Мы не спорили и не ругались. Иногда казалось, что всё в этой жизни само идет к нам в руки...

Я усмехнулся.

– Давай я отведу тебя к психотерапевту, – Лена неожиданно переменяла тему, – он тебе поможет. Мне в свое время очень помог.

– М-м... Ну, давай, – у меня не было особого желания идти к психотерапевту, но не хотелось перечить Лене.

– Вот и славненько! Об оплате не беспокойся, Игорь Иванович мне по старому знакомству сделает хорошую скидку, я сама оплачу.

Вот и славненько... На следующий день мы пошли к психотерапевту.

2

Игорь Иванович обаятелен и харизматичен. На вид ему лет шестьдесят. Небольшие нежные ручки, мягкие черты лица, ухоженная залысина. Он подвижен, гибок и вездесущ. Кажется, что он запросто пройдет через любую замочную скважину.

– Здравствуйте, господа. Проходите, пожалуйста. Леночка, давно тебя не видел, – он встал из-за стола, подошел к Лене и обменялся с ней церемонным поцелуем в щеку.

– Я на секунду, – Лена рассеянно огляделась по сторонам, – я вместе с ним, – она кивнула на меня: – Мой друг. Кошмары мучают, не дают спать.

Мы с Игорем Ивановичем обменялись рукопожатием.

– Ну а у тебя как дела? – при взгляде на Лену глазки психотерапевта стали маслянистыми, заискивающими и, кажется, похотливыми.

– Да у меня всё в порядке, слава Богу. Кручусь, кружусь в танце жизни...

– Главное, чтобы голова не закружилась, – Игорь Иванович мелко рассмеялся.

– Голова пока на месте, – мило улыбнулась Лена. – Ну, ладно, я пойду – дела. Илью вам оставляю.

– Хорошо-хорошо, значит, с вами будем общаться, – Игорь Иванович посмотрел на меня задорным взглядом и надел очки.

И он начал со мной общаться. Рассказал несколько анекдотов, несколько забавных случаев из практики, несколько веселых историй о своих детях. Потом наконец спросил, что меня беспокоит. Я пожаловался на бессонницу и кошмары.

– Кошмары не могут быть сами по себе. – Игорь Иванович снял очки. – Сны – это проявление нашего подсознания, которое предупреждает нас о чем-то, что может случиться, или, наоборот, пытается избавиться от переживаний прошлого и, так сказать, выпускает пар. – Он потер переносицу. – Поэтому ключ нужно искать в прошлом или в будущем. А будущее – это только следствие прошлого. Так что ключ в любом случае – в прошлом. В ваших воспоминаниях.

– Но я не помню ничего такого особенного.

– Вы не помните, но подсознание помнит. Иначе не было бы кошмаров. Я буду извлекать воспоминания из вашего подсознания с помощью гипноза.

– Гипноза? – невольно повторил я.

– Да, обычного гипноза. Ну, может, не совсем обычного. У меня есть своя методика, свои ноу-хау. – Игорь Иванович с самодовольной улыбкой потер руки. – Я найду те воспоминания, и потом мы особым образом их проработаем, поменяем знак с «минуса» на «плюс». Видите, методика проста, так что не нужно ничего бояться.

– Я и не боюсь, – пожал я плечами.

– Тогда приступим, – еще шире улыбнулся Игорь Иванович.

Он усадил меня в глубокое кожаное кресло-диван, нажал какую-то педальку, и спинка кресла откинулась назад; я оказался почти в лежачем положении.

– Вот и хорошо. Располагайтесь удобнее, руки – на подлокотники. Голову можно понижее, – психотерапевт помог мне комфортнее устроиться на моем ложе.

Потом он установил видеокамеру и сел на стул рядом со мной. Я вдруг подумал о детях Игоря Ивановича. Интересно, погружает ли он их в гипноз? Наверное, удобно быть гипнотизером, когда дело касается воспитания детей. Не хочет сын кашу есть – повертеть перед его носом пальцем, ввести в транс и скормить всю тарелку, пока он где-то витает. Не хочет дочка спать идти – опять повертеть пальцем и, как на поводке, довести до кровати и уложить. Не хотят уроки делать – опять быстренько в транс, и за полчаса все самые сложные задачи перерешают. В общем, сплошные преимущества.

Но перед моими глазами Игорь Иванович пальцем не вертел, наоборот, попросил их закрыть, включил расслабляющую музыку и тихим медитативным голосом предлагал мне представить то белые круги, то цветы в космосе, то мое тело, излучающее тепло и летящее в пространстве.

– Посмотри на свои ноги, – попросил он в какой-то момент. – Какая на них обувь? В какой ты одежде?

– Я бос. Я наг. Только длинные волосы до бедер. Почти до колен. Я могу прикрыть наготу своими волосами.

– Что ты видишь вокруг?

– Холмы. Степь. Какие-то мазанки у холмов.

– Хорошо. Теперь я сосчитаю до пяти, щелкну пальцами, и ты попадешь в одну из ситуаций из своего прошлого, которая тебя беспокоит. Я начинаю считать. Раз. Два. Три. Четыре. Пять.

Раздался легкий щелчок пальцев.

– Посмотри на свои ноги. Какая на них обувь?

– Я опять босиком. Стою на пыльной земле.

– Что ты видишь вокруг?

– Ко мне бежит толстый мальчик. Я тоже еще мальчик. Мне лет семь-восемь. За толстым бежит худой. Это два брата, они – мои соседи. Толстый подбегает ко мне и сбивает меня с ног. Садится сверху. Худой плюет мне в лицо. Пыль забивается в нос. Трудно дышать. Я рыдаю от бессилия. От рыданий еще тяжелее дышать. Толстый бьет меня кулаками. Это мой заклятый враг, он часто бьет меня и издевается надо мной. А его худой брат любит плевать. Он тоже часто издевается надо мной. Меня вообще часто бьют, потому что я никогда не даю сдачи. Я не могу никого ударить – из-за того, что боюсь сделать другим больно. Я предпочитаю стерпеть побои и унижения, но не сделать другим больно. Ведь если я сделаю кому-то больно, то в мире что-то нарушится, он может исчезнуть. Из-за этого надо мной часто смеются, считают слабым на голову. Бьют и унижают.

– Хорошо, понятно. Теперь почувствуй, как твои руки сжимают металл. Пальцы продеты в отверстия кастетов. От этих кастетов и руки словно наливаются железом. Сейчас этими железными кулаками ты будешь готов дать отпор обидчикам. Ты больше не задыхаешься. Ты поднимаешь руку с кастетом для удара. Ты это видишь?

– Да. Я поднял правую руку с кастетом и готов ударить толстого мальчишку. Он боится и слезит с меня. Я встаю, чтобы ударить его. Оба брата в страхе бегут от меня.

– Очень хорошо. Ты остался хозяином той ситуации. Тебя устраивает твоя новая роль в ней. Теперь нам пришло время перенестись в другую ситуацию дискомфорта и боли. Я опять буду считать до пяти и потом щелкну пальцами. После этого ты перенесешься в другую ситуацию, вызывающую чувство боли и разочарования. Один. Два. Три. Четыре. Пять. – Щелчок. – Посмотри на свои ноги. Какая сейчас на них обувь?

– Сандалии.

– Что происходит вокруг?

– Я около небольшого дома. Что-то жду. Из дома выходит девочка лет двенадцати. Я люблю ее. У нее длинные темные волосы, сросшиеся на переносице брови и желтые глаза. Она выходит не одна, рядом с ней идет ее подруга. Они идут по дороге прочь от меня. Я направляюсь за ними на расстоянии нескольких шагов. Девочки о чем-то шепчутся и смеются. Теперь из переулка появляется толстый мальчишка – мой враг. Он идет ко мне, словно хочет что-то спросить. Я останавливаюсь и поворачиваюсь к нему. Неожиданно он, не говоря ни слова, сильно бьет меня в грудь. Мне трудно дышать, я медленно опускаюсь на землю. Моя любимая вместе с подругой оборачиваются. Они смотрят на нас и еще громче смеются. Толстяк, ободренный их вниманием, пинает меня в бок, и я падаю в пыль. Девушки продолжают смеяться. Толстяк улыбается и идет к ним. Втроем они идут прочь от меня. Я лежу в пыли, пытаюсь откашляться.

– Хорошо, понятно. Теперь немного исправим эту ситуацию...

– Я вижу что-то еще... неприятное... На земле недалеко от меня я вижу жука-жужелицу, который терзает извивающуюся от боли мохнатую гусеницу. Гусеница, как и я, вся в пыли. Она дергается в агонии. Тут у меня появляется как будто внутреннее зрение. Я закрываю глаза и вижу человека с бородой, с искаженным от злости лицом. На его губах – кровь. Капли крови текут по бороде. Он считает золотые монеты. Горы золотых монет.

Вокруг него – телохранители: огромные и мускулистые, самодовольные, с презрительными лицами, с равнодушными и пустыми глазами. Потом видение исчезает, и в этот миг я необыкновенно ясно осознаю, что этот мир принадлежит тем, кто силен, богат, жесток и бездушен. Что земная жизнь несправедлива, жестока и отвратительна. Это понимание наполняет всего меня, до самой глубины сердца, до каждой клеточки моего тела. Я чувствую, что это понимание теперь будет присутствовать во мне всегда, физически, в каждом атоме моего тела.

– Да-да, я понимаю. Давай теперь все-таки изменим эту ситуацию. Твоя еще детская эмоциональная вовлеченность и острота переживания в тот момент заставили тебя увидеть стакан, наполненный водой, пустым. Просто потому, что ты ожидал там увидеть вино, но там прозрачная вода, которую ты не видишь. Давай немного поменяем угол зрения, проведем так называемый рефрейминг. Сместим рамку, через которую мы видим мир, и, возможно, увидим что-то еще, что она нам пока не дает рассмотреть. Представь эту же ситуацию. В ней ты вел себя как очень чувствительный и добрый мальчик, который не может причинить боль другим людям, который ждет от других людей такого же доброго и открытого отношения к миру. Почему ты такой? Потому что у тебя было замечательное детство, полное любви родителей. Ты чувствителен и доверчив, потому что с самого малого возраста, с младенчества привык доверять окружающим тебя близким людям и отвечать добром на их добро. Ты счастливый человек, если был окружен заботой и теплом, скажем прямо – тепличными условиями домашнего быта и родительской любви, которые позволили тебе сохранить наивное восприятие и доброту. И ты должен быть благодарен судьбе за это. А проявляющаяся агрессия твоего врага-толстяка – это явный признак нарушенной психики вследствие несчастного детства. Судя по всему, он с младенчества не получал необходимой ребенку любви и ласки, а возможно, и полностью был их лишен. Его немотивированная агрессия не может быть ничем иным, как следствием агрессии, проявленной ранее по отношению к нему самому. Скорее всего, он рос в неблагополучной семье, и его бил отец, или старший брат, или мать, или они все вместе. И, в отличие от тебя, которого могли побить только иногда, где-то за пределами родного дома, и ты всегда мог найти убежище в домашней обстановке, этого толстяка били дома, и у него убежища не было нигде. То есть в целом этот толстяк гораздо более несчастен, чем ты, и заслуживает только жалости. Давай теперь снова полностью вернемся в ту ситуацию. Представь, как ты поднимаешься с земли, боль мгновенно и полностью проходит. Ты зовешь толстяка. Как его, кстати, зовут?

– Петр.

– Ты зовешь Петю, говоришь, что знаешь о его проблемах, хочешь помочь ему, хочешь пригласить к себе домой, где он мог бы находить для себя убежище. Петя чувствует, что ты говоришь это искренне, и твое участие и искреннее сочувствие пробивают броню его напускной жестокости. Он сбрасывает с себя маску хулигана и благодарит тебя, жмет твою руку. Ты это видишь?

– Да. Я вижу, как Петр идет ко мне, в его глазах слезы. Он благодарит меня и обнимает. Говорит, что еще никто никогда не предлагал ему помощь.

– Отлично. Что еще ты видишь и слышишь?

– Он называет меня другом и говорит, что у него никогда не было друзей. Теперь я буду его первым другом. Мы хотим вместе пойти ко мне домой... Но... мы не можем пойти.

– Что этому мешает?

– Мой отец и мои старшие братья часто бьют меня и не велят никого приводить домой. К тому же я совсем не чувствую себя дома как в убежище. Я там никому не доверяю...

– М-м-м, – то ли растерянно, то ли разочарованно протянул психотерапевт. – Хорошо, эту проблему мы проработаем при следующем сеансе. А пока останемся в той ситуации, где ты сейчас находишься. Ты остался ее хозяином. Твой враг стал твоим другом. Теперь он сам ищет у тебя поддержки и защиты. Тебя устраивает твоя новая роль в этом значимом событии из прошлого?

– Да, устраивает.

– И, значит, нам пришло время выйти из той ситуации, и одновременно с этим выйти из состояния гипноза. Я буду медленно считать до пяти, потом щелкну пальцами, и после этого ты окажешься здесь, в кабинете психотерапевта, в удобном кресле. Ты почувствуешь себя обновленным, взбодренным, полным энергии и сил для новых дел. Итак, я начинаю считать. Один, два, три, четыре, пять.

Щелчок пальцев.

– Твои глаза закрыты. Ты находишься в кабинете психотерапевта, в удобном кресле. Теперь сделай глубокий вдох, сожми пальцы в кулаки, вытяни руки и ноги, полностью почувствуй свое тело. Ты возвращаешься в пространство этой комнаты.

Прием у психотерапевта мне, в принципе, понравился. Тихий кабинет, разговоры обо мне, моих чувствах и воспоминаниях. Неторопливая и приятная беседа. Воспоминания в состоянии гипноза были какими-то блеклыми, сонными и не сильно волновали меня. Само состояние гипноза я представлял совсем по-другому. Я был уверен, что психотерапевт погружит меня в полутранс-полусон, после которого я ничего не буду помнить. Но в течение всего времени сеанса я находился в сознании, и только картинки менялись перед глазами. Наверное, я даже мог бы (если захотел) в любой момент выйти из этого состояния.

Одним словом, мне не понравилась только сумма денег, которую Лена заплатила психотерапевту. Какая-то нехорошая сумма, несмотря на то, что ее заплатил не я...

Вечером мы с Леной выпили вина на балконе. С балкона моей квартиры (не моей, конечно, а хозяйки, у которой я арендовал) открывался хороший вид. Дома, деревья, улицы... Я пил и беззаботно смотрел в пространство перед собой. Было так хорошо, что ничего не хотелось.

– Тебе бы не хотелось... , – неуверенно заговорила Лена.

– Не-а, не хотелось, – прервал я ее, скривив ленивую гримасу.

– Фу, дурак, – она толкнула меня в плечо и замолчала. Поднесла к губам бокал с вином.

Мне понравилось, что она не стала продолжать фразу. Благодаря этому сцена получилась какой-то законченной и красивой – как в кино.

Мы красиво молчали. Потом, минут через пять или семь, Лена все-таки нарушила тишину:

– Мне иногда так хочется ребенка...

Прозвучало тоже почти как в кино. Но я не мог придумать ничего красивого в ответ и потому молчал.

– А тебе никогда не хотелось ребенка? – еще через некоторое время спросила Лена.

– М-м... Хотелось, наверное, м-м, иногда... – честно ответил я. Больше мне нечего было сказать.

– Пойдем сегодня куда-нибудь, – не то спросила, не то предложила Лена после очередной паузы.

– Пойдем в клуб, – тоже не то спросил, не то ответил на вопрос я.

– Опять в клуб... – она сморщила носик. – Ты опять начнешь пить, что-нибудь курить или глотать. Может, лучше в кино?

– Ты же любишь танцевать. Мне недавно порекомендовали новый клуб. Хорошо, давай сначала в кино, потом – в клуб.

– Ну, давай.

Компромисс был найден. Новый клуб мне порекомендовала Маша: «Его недавно открыли. Дизайн симпатный, а главное – музон классный, диджеи заряжают».

Лена была не права. Я курнул не в клубе, а еще до него. Благодаря Акраму. Акрам родился и провел раннее детство где-то в районе чуйских степей. Возможно, поэтому он был лучшим известным мне специалистом по волшебным травам, грибам и прочим природным средствам изменения и расширения сознания.

Акрам присоединился к нам по дороге в клуб. Сделал два комплимента Лене и один характерный знак мне. Мы зашли в ближайшую подворотню.

Огни фонарей и фар, статичные и движущиеся. Люди, машины, музыка, слова, крики – как трассирующая пуля, летящая из ствола жизни – всё это набросилось на меня, как только мы вышли из кинотеатра. Набросилось, разорвало на кусочки и помогло отпустить себя навстречу движению.

– Леночка, ты где?

– Я рядом, милый, – Лена прижимается к моему плечу и улыбается, – ты так редко называешь меня Леночкой...

– Леночка, мы так счастливы!

– Конечно, Илюша. А я так редко называю тебя Илюшей. Наверное, поэтому ты так редко называешь меня Леночкой. Ведь всё любит равновесие. Инь-Янь. Леночка – Илюшенька. Я теперь всё время буду называть тебя Илюшей.

В клубе плескалось. Что-то где-то плескалось – вино в бокалах, вода в трубах, амброзия в сосудах, озеро в берегах... Где-то на заднем плане, но отчетливо, как заданная форма бытия – вино в бокалах, вода в трубах, амброзия в сосудах, озеро в берегах... Здесь и сейчас стихия – вода. И даже Waters, Roger¹, потому что вдруг заиграл бодренький ремикс на Another Brick in the wall².

– Пойдем танцевать? – я с медленной улыбкой посмотрел на Лену.

– Пойдем, – она с готовностью поднялась со стула и направилась к танцполу.

«We don't need no...»³

Танец делает Лену счастливой.

---

¹ Роджер Уотерс – участник рок-группы «Pink Floyd»; игра слов: «waters» переводится на русский язык как «вбоды».

² «Ещё один кирпич в стене» – песня рок-группы «Pink Floyd».

³ «Нам не нужно ни...» – слова из песни «Brick in the wall».

«We don't need no...»

Она полностью погружена в танец, закрывает глаза, забывается...

«We don't need no...»

Но в какой-то момент мне начинает казаться, что она притворяется; только делает вид, что полностью погружена в танец. Я тоже танцую. Движения свободны и легки, как свет софитов и стробоскопов сверху. Только мои движения вверх, а свет софитов вниз. Взаимопроникновение. Совокупление.

«We don't need no...»

Я вдруг вижу в кишасей массе тел и голов лицо Маши. Неподвижное, насмешливое, светлое. Глаза смотрят прямо на меня, словно взгляд ее хочет наколоть меня, как кусок шашлыка на шампур.

«We don't need no...»

– Юх-ху, – Лена обнимает меня за плечо, пытается развернуть к себе и вовлечь в свое чувство ритма.

«We don't need no...»

Мне нужно исчезнуть. И главное – как-то незаметно. Дематериализоваться из этого пространства, чтобы потом в качестве сюрприза появиться из воздуха где-нибудь далеко. В женской бане, например, – хороший сюрприз. Или на сцене, где идет представление Дэвида Копперфильда – пусть он удивится!

Я обнимаю Лену и целую ее взасос. Потом отталкиваюсь от нее как бильярдный шар и перемещаюсь между танцующими телами, извиваясь змеей, двигаясь вглубь. Двигаясь в центр.

Маша. Машенька. Как вообще тебя сюда пускают? Тебе ведь нет и пятнадцати. Где же твоя любовь, Машенька? Тоже в этом эпицентре, выпотрошенная и сгущенная?

– Привет, – Маша вдруг возникает передо мной. Она хитро улыбается. Рядом с ней мужские лица и пиджаки. Я ненавижу пиджаки. Их форма и накладные плечи чем-то похожи на доспехи римских легионеров. В них есть какая-то законченность и неотвратимость.

– Здравствуй, Машенька. Что ты делаешь здесь? Как тебя сюда пустили?

Улыбка на ее лице меняется. Неопределенно и непонятно.

– У меня здесь знакомый работает, – просто говорит она.

– Один из мужчин в пиджаках?

– Я рада тебя видеть, – добавляет она.

– Я тоже рад тебя видеть.

– Купишь мне дринк?

Вокруг грохот ритмов, музыки, и приходится читать по губам. У Маши чуть полноватые, красиво очерченные губы. По ним читать приятно, хотя и не очень легко. А где-то в другом конце танцплощадки вопиет Ленино сердце: «Где же ты, Илья?»

– Ты здесь не один? – спрашивают Машенькины губы. – Я видела рядом девушку.

– Да... – чуть задерживаюсь с ответом, – с друзьями.

– Так ты купишь мне дринк?

– Пойдем.

Мы подходим к барной стойке, и я беру Маше джин-тоник.

– Спасибо, – она целует меня в щеку.

– На здоровье. Мне пора идти к друзьям.

– Потанцуем?

«Где же ты, Илья?» – вопль Лены.

– Конечно, потанцуем. Я уже танцую с тобой. Только сейчас мне нужно идти.

Я ухожу. Последние пятнадцать минут были бы тяжелы и сложны для проживания, если бы я был трезв, чист и пуст, а в кровеносных сосудах и в полушариях мозга не присутствовали элементы вещества, изменяющего сознание.

Лена танцевала одна. Остальные в зале – словно для фона, безликие и никакие. Ее поднятые вверх руки медленно колыхались, словно водоросли в речной воде – справа налево, и обратно. Глаза закрыты. Голова поднята вверх. Руки тянутся к софитам и стробоскопам, словно к Богу. Кажется, что она молится. Я ошибся. Лена не молилась. Она переживала внутри обиду, и для удобства отстранилась от мира.

– Куда ты делся? – спросила она, когда мы сели за столик.

– Знакомых увидел. Немного пообщались, – с напускным равнодушием ответил я.

– Знакомую, – уточнила Лена. – Какую-то малолетку из детского сада, я видела.

– Да. Маша и ее друзья, которые здесь работают.

– Друзей не видела.

Я пожал плечами.

– Поехали домой, – попросила она после паузы.

– Ты что – из-за какой-то моей знакомой? – скривив гримасу, наигранно возмутился я, и вдруг поймал смешливый взгляд Маши, танцевавшей в нескольких метрах от нас.

– Нет, – соврала Лена. – Просто пойдем домой. Здесь как-то уже очень не фэншуйно.

К нам подсел Акрам, невозмутимый, как всегда. Иногда он представляется мне старым вождем индейского племени, недвижимым и непоколебимым, по прозвищу «Белая Гора». Для того чтобы сдвинуть такого с места, недостаточно будет упряжки в шесть лошадей. А главное – зачем сдвигать его с места? Ему важны корни, важна земля, на которой он стоит и к которой прирос.

– Где твоя земля, Акрам – в Казахстане, в Чечне или здесь? – вдруг спрашиваю я его.

– Моя земля та, на которой я стою, – разве можно было ожидать другой ответ? А где твоя земля, амиго? – подмигивает мне Акрам.

Я не знаю ответа и ничего не говорю. Возможно, моя стихия не земля, а воздух, или вода... Возможно, у меня вообще нет своего места и нет своей стихии в этой жизни.

– Пойдем домой... – снова просит Лена.

Акрам внимательно смотрит на нее, потом – на меня, потом – снова на нее. Ничего не говорит.

Через пять минут мы с Леной вышли из клуба. Ночь, ветер, дома и улицы навалились на нас, словно стараясь прижать и приплющить к земле – как-то необъяснимо враждебно. Или только меня так прижимало? Я хотел сказать что-то Лене. Хотел просто говорить о чем-то, производить слова, но не мог. И непроизносимые слова скапливались в горле, толпились там и уплотнялись в комок, как толпа пассажиров у узкого выхода из метро. Дурацкие, ненужные слова, которые хотели родиться из моего чрева, но не могли. Хотели. Не могли.

– Я вечером опять видела НЛО, – сказала вдруг Лена.

3

Мой второй визит к психотерапевту состоялся через два дня. Довольно странно, но за это время из моей памяти почти полностью стерлись черты его лица. Отчетливо запомнились только темно-карие глаза – часто бегающие и суетливые, но умеющие в нужный момент стать внимательными и неподвижными, устремленными в собеседника.

– О, Илья, привет, проходи. – Он поднялся с кресла навстречу мне, протянул руку, и я пожал его маленькую влажную ладонь. – Как здоровыце? Как сон? Были кошмары эти дни?

– Не было, – честно ответил я.

– Ну, хорошо, хорошо. Вот уже что-то выстраивается. Новые связи в подсознании. Всё, что было нарушено, скручено, заверчено в подсознании, мы начали собирать, выпрямлять, выравнивать, соединять разорванное. Никаких дискомфортных ощущений после прошлого сеанса гипноза не было? Усталости, вялости, замедления реакций, заторможенности?

– Ничего не было. Всё в порядке.

– Ну, здорово. Замечательно даже, можно сказать. Значит, готов сегодня продолжить погружения?

– Готов.

Раз... два... три... четыре... пять... Щелчок пальцев.

– Сейчас ты в одном из важных дней своего прошлого. Посмотри на свои ноги. Во что они обуты?

– Я бос. Мне лет двенадцать.

– Что ты видишь вокруг? Видишь ли людей?

– Вижу бородатого мужчину. Это мой отец. Он очень недоволен чем-то. Он бьет меня наотмашь по лицу ладонью. Ругает за то, что я не дал сдачи соседским детям. Говорит, что будет бить меня каждый раз, когда я буду возвращаться домой побитым – до тех пор, пока я не научусь давать сдачи обидчикам. Он еще раз бьет меня. Мимо проходит мой старший брат. Он сильно толкает меня, и я падаю. Отец злится из-за того, что я упал, бьет меня ногой, потом еще раз. Теперь отец садится на бревно, смотрит на меня и улыбается. Его гнев прошел. Он говорит, что лучше бы я совсем не выходил из дома. Что надо мной смеются все соседи и считают меня слабым на голову. Я думаю о том, что на самом деле отец мстит мне за то, что я был зачат не им. На самом деле он – мой отчим, хотя я привык называть его отцом. Но кто мой истинный отец?

Я охвачен бесконечной тоской. Земной мир жесток и несправедлив. Власть в нем принадлежит сильным, эгоистичным и бессердечным. А что принадлежит мне? Мне остается ждать, когда жизнь моя на земле закончится, и я попаду в Царство Небесное, где правят добрые и смиренные, обиженные и обездоленные. То царство, в отличие от Земного, будет праведным, блаженным и вечным. Вечным...

– Хорошо-хорошо, всё ясно... Давай теперь изменим эту ситуацию. Пришло время заслужить уважение твоего отчима. Встань ровно, подними голову и, прямо глядя ему в глаза, уверенно скажи, что ты уважаешь его, как человека, которого выбрала твоя мать. Что ты благодарен ему, как человеку, который заботится о твоей матери и о семье. Что ты уважаешь его и благодарен ему за пищу, которая всегда на твоём столе, за то, что ты одет и обут и у тебя есть кров. – Игорь Иванович выжидательно замолчал, затем после паузы продолжил: – Сказал?

– Да, – тихо ответил я.

– Теперь скажи, что в ответ ты требуешь от него такого же уважения к себе, как к сыну его жены. Что ты требуешь уважения и благодарности за то, что помогаешь ему и матери в домашних делах; за то, что по мере своих сил и возможностей заботишься о нем, о матери и о семье. За то, что, хотя ты и пасынок, но ты продолжишь его род. Сказал?

– Да, – снова подтвердил я.

– Ты видишь, как меняется его взгляд? Как он смотрит на тебя с интересом и уважением. Он готов пожать тебе руку за то, что ты говоришь такие не по годам мудрые слова. Проходящий мимо брат тоже смотрит на тебя с уважением. Тебе всего двенадцать лет, но ты говоришь уже не как подросток, а как мужчина. И окружающие будут теперь относиться к тебе соответствующим образом. Ты видишь изменение ситуации?

– Да. Я вижу, что отец смотрит на меня с интересом и уважением. Он подходит ко мне и жмет мою руку. Говорит, что не ожидал услышать от меня такие не по годам мудрые слова.

– Он обещает защищать тебя?

– Да, он обещает защищать меня.

– Твой брат тоже смотрит на тебя с уважением?

– Да, мой брат тоже смотрит на меня с уважением. Он тоже жмет мою руку.

– Очень хорошо. Сейчас тебя устраивает то, как разрешилась эта важная для тебя ситуация? Ты доволен своей новой ролью в ней?

– Да, меня всё устраивает. Я доволен своей ролью.

– Отлично. Значит, нам пришло время перейти в другой день из твоего прошлого, в другую важную для тебя ситуацию. Я сосчитаю до пяти и потом щелкну пальцами, и ты окажешься в новом месте и новом времени, в тех событиях, которые сыграли большую роль в твоей жизни. Раз, два, три, четыре, пять.

Щелчок пальцев.

– Посмотри на свои ноги. В какой ты обуви?

– В сандалиях.

– Посмотри вокруг. Что ты видишь?

– Я в большой комнате. Мне лет тринадцать. В комнате много мужчин. Один из них выступает перед остальными. Он говорит: «Как сказал пророк Исайя, горе тем, которые постановляют несправедливые законы и пишут жестокие решения, чтобы устранить бедных от правосудия и похитить права у малосильных из народа Моего, чтобы вдов сделать добычею своею и ограбить сирот». Я очень впечатлен этими словами. Мужчина продолжает говорить что-то еще, но я погружен в свои мысли о сказанном и больше не слушаю его. Когда он заканчивает говорить, я неожиданно выхожу вперед. Я очень возбужден и взволнован, у меня пересохло в горле, дрожат руки. Повернувшись к остальным, я говорю: «Почему же имеющие власть не боятся слов великого пророка? Почему они продолжают творить несправедливый суд, обижая малосильных и бедных и возвышая сильных и богатых? Все делают вид, что уважают пророков, но никто не внимает их словам. Зачем же тогда слова пророков, если никто им не следует?» Говоривший до этого мужчина одобрительно улыбается мне. Среди остальной аудитории тоже слышится одобряющий гул. Ободренный поддержкой слушателей, я продолжаю: «Но если словам пророков никто не внимает, значит, слабы их слова и не имеют достаточной силы? А если слова пророков не имеют силы, то пророки ли те, кто их сказал?» Неожиданно меня обрывает мой отец, стоящий среди слушателей. Он испуганно машет рукой и делает знаки замолчать, потом кричит:

«Что ты говоришь, дитя неразумное! Иди, не путай людей!» Другие тоже начинают кричать и гнать меня из здания. Говоривший до этого мужчина бьет меня ладонью по затылку и выгоняет на улицу. Я сажусь под деревом и плачу от тоски и досады.

– Хорошо, давай теперь изменим эту ситуацию в твою пользу.

– Сидя под деревом, я думаю о чем-то очень важном. Ко мне приходит озарение. Я понимаю, что я просто труслив, и от этого все мои проблемы. В то же время я вдруг осознаю странную, но важную вещь: моя трусость дает мне нечто великое в этой жизни. Она дает смирение и терпение. Из-за страха перед окружающим миром, перед соперничеством и борьбой с другими людьми за обретение земных богатств я научился не прельщаться ими, отказался от них. Я был полон трусости перед реальным миром и в результате обрел надежду и веру в богатства Царства Небесного. Царства, которое достанется тем, у кого нет утешения здесь. Бог справедлив, и тех, кто сир и наг в земной жизни, ждет воздаяние в жизни другой, вечной и прекрасной. Там, где торжествует правда и справедливость. Где зло и ложь не попирают царских престолов. Где всё достанется тем, кто ничего не имел на Земле. Там – вечнозеленые луга, наполненные ароматами чудесных цветов. Там нет слез, нет боли, нет страданий, и блаженство разливается как мед, во все края, до самых дальних сторон Божественного Царства... – По моим щекам потекли слезы, но я продолжал: – На престоле того Царства – Тот, который любит. Тот, кто милостив, щедр и великодушен. Тот, кто знает всё. Тот, кто сам бесконечен и безграничен, как Его Царство. Тот, в чьи ласковые руки хочется предать Себя и соединиться с Ним навсегда. Путь по тем садам блаженства будет вечным, и в нем ты никогда не испытаешь ни голода, ни жажды. Потому что Господь, Царь Мира Того, всегда рядом с тобой, а Он суть утоление всякой жажды и всякого желания человеческого. Жизнь в том Царстве так прекрасна, что живя на Земле, мы можем только бесконечно плакать о ней и шептать: «Жажду, жажду... Жажду Царствия Твоего, Отец Прекрасный, и ничто на Земле не прельстит меня и не затмит красоты твоих владений». Я готов вечно сидеть под этим деревом и рыдать от благоговения и блаженства, призывая тот чудесный мир и продолжая шептать: «Жажду, жажду Царствия Твоего».

Я замолчал, но слезы продолжали литься по моему лицу.

– Хорошо-хорошо... Давай теперь немного изменим эту ситуацию, – тембр голоса психотерапевта повысился. – Вернемся в помещение, где проходит заседание дискуссионного клуба. Ты видишь тех же людей, ораторов, оппонентов, слушателей. Среди слушателей – твой любящий отец. Ты видишь его?

– Вижу.

– Это твое первое выступление в дискуссионном клубе. Твой отец гордится за тебя и в то же время волнуется и переживает. Он готов оказать тебе любую поддержку. Ты чувствуешь его сопереживание и готовность помочь?

– Да. Он смотрит на меня добрыми глазами и слегка кивает головой.

– Очень хорошо. Твой оппонент – взрослый мужчина – заканчивает свое выступление. Слушатели аплодируют ему, но не очень горячо. Теперь твоя очередь выступить с речью. Ты заранее к ней подготовился и теперь ты заражаешь слушателей своей энергией, доводами и эмоциональностью. Слушатели горячо поддерживают тебя. Ты чувствуешь эту поддержку? Видишь восхищенные взгляды слушателей?

– Да, я вижу восхищенные взгляды.

– Конечно... Хорошо... Ты заканчиваешь свое выступление, и зал взрывается аплодисментами. Ты – бесспорный победитель дискуссионного клуба. Твой отец невероятно горд тобой. Друзья поздравляют отца с тем, что у него такой умный сын.

– Да, я вижу его польщенное лицо.

– Что еще ты видишь?

– Я иду домой. Я очень горд своим выступлением и чувствую небывалое счастье. Я тороплюсь домой, потому что хочу рассказать о своем выступлении маме и сестрам.

– Отлично. Мы изменили эту ситуацию и твою роль в ней, сделав тебя ее героем и победителем. И значит, теперь мы можем переместиться в другой важный для тебя день твоего прошлого.

Щелчок пальцев.

– Посмотри на свои ноги. Во что ты обут?

– Я бос. Стою на траве.

– Что ты видишь вокруг себя?

– Крутой обрыв, под ним скалы и камни, и дальше внизу – долина. Я стою около обрыва. Мне страшно. Я хочу броситься вниз, но боюсь боли и смерти. Больше всего боюсь, что умру не сразу, а буду мучиться. Я уже два раза разбежался, чтобы прыгнуть вниз, но оба раза останавливался у самого края.

– Видишь ли ты кого-нибудь из людей вокруг?

– Нет. Здесь пустынно. Никого нет.

– Почему ты хочешь свести счеты с жизнью?

– Я живу в непрерывной тоске. Земной мир жесток и несправедлив, и я не хочу его даров. Я хочу скорее покинуть земную жизнь, чтобы попасть в Царство Небесное, которое праведно, блаженно и вечно, где правят добрые и смиренные...

– Но самоубийство – грех, и ты не попадешь в Царство Небесное, если покончишь с собой.

– Эти мысли тоже останавливают меня. Но в то же время я надеюсь на то, что Бог поймет мое желание скорее воссоединиться с ним и смилостивится, зная о моих мучениях на Земле.

– Хорошо, давай теперь немного изменим эту ситуацию. На самом деле ты ведь пришел к этому обрыву совсем по другой причине. Ты пришел сюда, чтобы нарвать красивых полевых цветов, которые здесь растут. Ты видишь вокруг красивые полевые цветы?

– Да, я вижу сиреневые и желтые цветы.

– Твоя мама очень любит эти цветы, и каждый раз, когда ты их ей приносишь, она очень радуется. Поэтому сегодня ты решил прийти сюда и принести ей эти красивые цветы. Ты уже заранее знаешь, как она обрадуется и улыбнется. Поэтому ты подходишь к цветочной поляне и срываешь для своей мамы те желтые и сиреневые цветы, которые она любит. Когда ты начинаешь заботиться и беспокоиться о жизни своих близких, ты перестаешь беспокоиться о жизни своей, и с тобой уже ничего не может случиться. Забота о матери всегда была важна для тебя, так ведь?

– Да, мама всегда была для меня единственным утешением. Я вспоминаю себя маленьким. Маленький Иисусик, находивший успокоение, счастье и себя самого только поздно вечером, на соломе, укрывшись с головой грубым полотном, отгородившись от всей бесконечной Вселенной и создав свой крошечный закуток, чьей главной ценностью и была эта крошечность. В тесном уютном мирке начиналась моя вторая жизнь, в которой

только блаженству было место, в котором существовали только я и тот сгусток благодати и всеобъемности, который, наверное, и был частицей Бога, Его присутствием лично для меня, ничтожного несчастного существа, чья жизнь на Земле так коротка и мимолетна. В те секунды под покрывалом я был бесконечен, блажен, всемогущ и почти равен Богу... А утром... Утром начинались те же дневные страдания и мытарства. Побои отца и братьев... Страдания от созерцания окружающей несправедливости и зла.

Только у моей матери находил я иногда утешение. Маленький Иисусик бежал к ней, зарыться в складки ее одежды, найти теплые ласковые ладони, выпростать их из грубой материи, схватить, прижать к себе – чтобы они гладили только мои щеки, чтобы только на моей голове лежали, чтобы только я имел на них полное право, чтобы они каким-нибудь чудом стали частью моего тела. «Ну, Иисус, не балуйся», – улыбалась она. – «Вот же ласковый детеныш, словно маленький телок. Ну, иди, иди...» – она не хотела, чтобы ее проявления слишком теплых чувств видели мужчины.

Я глубже нырял головой в складки ее одежды. Мой нос выискивал в них те же потайные укрытия, тот же маленький, но принадлежащий только мне, мир блаженства, что царил под моим покрывалом вечером перед сном. «Иди, Иисусик, иди», – она легонько подталкивала меня – куда-то вперед, прочь от себя. Туда, где в проеме двери сиял уличный свет. И я шел на свет... Который ждал меня, и которого я боялся. Можно ли достигнуть света, не испытывая по пути страха? Не является ли сам свет нашим страхом? И для преодоления страха нужно достичь его и пройти сквозь? «Иди, Иисусик, иди», – легкий подзатыльник, и мама подталкивала меня к выходу.

Во дворе в лучах солнца стоял отец с долотом. Другой рукой он придерживал большой брус для креста. Остановившиеся в деревне римские легионеры заказали ему пять крестов для плененных мятежников. Отец посмотрел на меня и ничего не сказал. А солнце продолжало безжалостно сиять.

– Похоже, что ты уже самовольно переместился в другое воспоминание. Давай вернемся к цветочной поляне над обрывом и к тому, как ты срываешь на ней желтые и сиреневые цветы. После того, как ты набрал букет, ты идешь домой, чтобы подарить его маме, так?

– Да, я иду с букетом домой, чтобы подарить его маме.

– Ты даришь желтые и сиреневые цветы маме. Мама очень рада, на ее лице сияет улыбка. Ты совершил замечательный поступок, подарив маме цветы.

– Да, мама очень рада.

– Тебе есть о ком заботиться в этой жизни – о твоей маме.

– Да, для меня важно заботиться о маме.

– Очень хорошо. Мы изменили эту ситуацию, ты обрел понимание важных для себя вещей и вышел из нее победителем. Сейчас ты доволен своей ролью?

– Да, я доволен своей ролью в этой ситуации.

– Очень хорошо. И значит, нам пришло время выйти из этой ситуации и одновременно выйти из состояния гипноза.

– Произошла такая штука... – Игорь Иванович почесывал указательным пальцем свой висок. – Во время гипноза ты попал в воспоминание не из настоящей твоей жизни, а из прошлой – одной из твоих прошлых жизней. Такое случается, да... – Он провел пальцами по губам и словно смыл улыбку. – Если заинтересуешься подробнее, то есть такой психотерапевт Майкл Ньютон, он подробно исследовал этот феномен, написал несколько книг. Можешь посмотреть в Интернете, почитать. Там тысячи сеансов гипноза,

тысячи экспериментов. Этот самый Ньютон, Майкл, утверждает, что переселение душ существует, и наша душа, точнее, ее подсознание, помнит все свои жизни, с самой первой. Гипноз же позволяет проникнуть в эти уголки подсознания и тем самым вытащить воспоминания наших прошлых жизней. Он назвал это регрессивным гипнозом – то есть гипнозом с погружением в прошлые жизни. Я тоже этим занимаюсь, и на самом деле был первым в России, кто эту технику использовал. Да и техника – не главное. Просто разновидность гипноза. Главное – работа в самом состоянии, внутри. Но сейчас это у нас произошло неосознанно, как будто твои прошлые жизни очень хотели прорваться сюда, заявить о себе и сообщить что-то очень важное. С моей помощью ты туда заглянул. Да и куда заглянул! Имя-то какое – Иисус. Пока рано утверждать, что тот самый. Имя ведь очень распространено было на Ближнем Востоке. Но нужно продолжить изыскания и терапевтическое воздействие, конечно, продолжить. Интересный ты у меня пациент, интересный... – Игорь Иванович шутя погрозил мне пальцем.

– Они отобрали у меня очки.

– Какие очки?

– Мои такие классные очки, ты же видел, такие черные, тонкие, красивые, с коричневыми стеклышками, с золотыми гвоздиками.

– Гвоздиками?

– Гвоздиками.

– В очках не бывает гвоздиков, там только винтики.

– Ну, значит, винтиками. Они отобрали мои такие классные очки с золотыми винтиками, – Маша возбужденно потрясла руками с растопыренными пальцами, потом вдруг задержала взгляд на левой ладони. – Фигня какая-то... – вдруг сменив голос на задумчивый, пробормотала она.

– Что? – я обеспокоенно посмотрел на нее.

– По-моему, линия жизни поменялась.

– Ты веришь в хиромантию?

– Нет, по крайней мере до тех пор, пока линии жизни на руке не начинают меняться. А если начали меняться – тут уж верь, не верь... Помогите вернуть очки. Ну пожалуйста, – она посмотрела на меня снизу вверх серыми глазами, которые сейчас казались голубыми.

– Но кто – «они»?

– Друзья из клуба.

Я увидел на своем мобильном телефоне пропущенный звонок от Маши, когда вышел от психотерапевта. Перезвонил. Она попросила срочно встретиться. Теперь я узнал, по какому поводу.

Вечером у меня были актерские курсы. Мое четвертое занятие. Абонемент на десять занятий актерского мастерства мне подарила Лена на мой день рождения.

– Ну-ну... – чуть растягивая и произнося «н» в нос, повторил преподаватель, – начнем с нашего обычного. Дневная сценка. Ну-ну... Начнем с Ильи. Давай, сразу под танки. Иди сюда, – он знаком показал мне место на импровизированной сцене.

Сердце забило чаще, во рту пересохло. Я вышел на середину зала. Расстегнул широко рубаху и приспустил назад на спину её плечи и воротник. Высокомерно задрал голову, полуприкрыв глаза.

– Ну что, малолетка, опять приперлась? – картинно сплюнул в сторону. – А кто платить будет? Не понимаешь? А кто понимать должен? Лохов,

что за тебя платят, сегодня нет, не пришли..., где-то еще отдыхают. Чё эт у ты в волосах, ну-ка дай. Руки!... – я рыкнул. – Прикольные очёчки. С золотыми гвоздиками. Надо же – не винтики, а гвоздики... Прямо «Версаче» с «Дольче габбаной». Как я в них? – я надел воображаемые очки. – Да не вой ты... – снова угрожающий рык. – Видишь, как мне идут, – я провел руками по волосам, повернул голову вправо, влево, словно перед зеркалом. – Не вой, сказал, потом отдам. Потом! Всё, свободна. На сегодня вход закрыт. А я танцевать пошел..., в очёчках, – я демонстративно развернулся и, выпятив вперед грудь, неуклюже пританцовывая и дирижируя руками – гопник гопником – пошел в дальний конец комнаты.

– Отлично, молодец! – преподаватель засмеялся и громко захлопал в ладоши, за ним – ученики.

Я вышел из образа, поправил рубашку и вернулся на свое место, думая о том, что на последних занятиях вошло в привычку начинать упражнения с моих этюдов. Я не знал, как это можно было расценивать – то ли меня ставили в пример, то ли, наоборот, преподаватель хотел, чтобы вначале «отстрелялись» самые слабенькие. Позднее, тем же вечером преподаватель разрешил мои сомнения. После занятия он подошел ко мне и предложил участвовать в постановке его спектакля: «Репетиции начнем недели через две-три, максимум четыре. Кое-какие административные вопросы нужно решить. Ну и сам материал мы с драматургом сейчас готовим и прорабатываем. Насчет твоей роли уже есть задумки-прикидки, соберем всё вместе в ближайшее время. Ну и по ходу спектакля, как это часто происходит, будем выстраивать».

Счастливый и вдохновленный, я поехал домой.

Я не знал, как отобрать очки у ребят из ночного клуба и вернуть их Маше, но подумал, что Акрам должен знать.

– Сколько у тебя осталось патронов? – позевывая, Акрам погладил бритый затылок.

Нет, он спросил о чем-то другом, возможно, вполне мирном и даже возвышенном, но мне послышались «патроны». О чем же Акрам спросил на самом деле? А если бы у меня действительно были патроны, сколько бы их осталось на тот момент?

– У меня не осталось патронов..., – подумав, честно признался я.

Акрам вытащил шелковый платок, хотел высморкаться, но почему-то передумал. Помял платок в пальцах, потом отпустил, расправил, дунул на него.

– Придется говорить. Не люблю говорить, – признался он. – А кем тебе приходится эта девочка?

– Это цветок моей жизни.

Акрам поднял брови:

– Ты был женат?

Как истинный кавказец, Акрам обладал врожденным метафоричным мышлением. Именно к этой части его сознания я сейчас и взывал.

– Мои страсти – мои птицы, разлетающиеся в разные стороны.

– А мои мысли – мои скакуны... – скорбно вздохнув, согласился Акрам.

– Господь с тобой...

– Аллах акбар...

На том и порешили.

Мы с Акрамом подружились в школе – учились в одном классе. Жили тогда еще в Алма-Ате. Пять лет – с пятого по девятый класс – мы были почти неразлучны, особенно в течение того неполного года, пока

существовала наша рок-группа «Убить зяблика». Но потом семья Акрама переехала в Москву, и «Зяблик» окончательно дал дуба. Я сбежал в Москву через два года, после окончания школы. Здесь мы снова встретились, и наша дружба возобновилась.

4

Лена плюхнулась на пассажирское сиденье рядом со мной, чмокнула в щеку:

– Поехали куда-нибудь. За город, на природу?

– М-м... Поехали, – ответил я, несмотря на то, что Акрам обещал позвонить и подтвердить время встречи с парнями из клуба по поводу Машиных очков.

– Ты чем-то загружен?

– Н-нет...

– Значит, наверное, я загружена. Тяжелый день какой-то. Сегодня неблагоприятный лунный день, плюс магнитная буря. Я продала всего семь телефонов, и все – дешевые модели. Хотя семь – хорошее число. Может, всё нормализуется.

В кафе, пока Лена ходила в уборную помыть руки, я достал мобильный телефон, набрал номер Акрама. Гудки. Холодные и равнодушные. Каждый новый гудок кажется длиннее предыдущего. Отключил, набрал еще раз. Гудки не потеплели. Из-за колонны появилась Лена. Я отключил телефон и убрал его в карман.

– Кто звонил? – спросила Лена, садясь на место.

– Я.

– Дозвонился?

– Нет. Не отвечает Акрам.

– Жаль.

– Почему тебе жаль?

– Не знаю, сказала ради красного словца. На самом деле мне не жаль.

– Жаль, что тебе не жаль.

– Ильюша, давай прекратим каламбуры. Я на самом деле сегодня устала.

– Почему ты не любишь Акрама?

– Разве? Ну вообще-то да, в нем есть что-то неприятное для меня. Не объяснимо... Хотя нет... Наоборот, наверное, даже очень объяснимо. Он напоминает мне моего отца.

Я удивленно поднял брови. Лена не любила говорить о своих родителях и почти ничего о них не рассказывала. Все разговоры о родственниках обычно сводились к Ирочке, вместе с которой они переехали в Москву восемь лет назад и теперь вместе вели бизнес. Я знал только, что их родители остались в Харькове, на Украине.

– Какая-то очень мужская энергия, внешне немного похож, бритость головы – от нее тоже неприятная брутальность.

– У тебя были плохие отношения с отцом?

Лена набрала в легкие воздуха и задержала дыхание. Украдкой посмотрела по сторонам. Потом, как будто чуть улыбнувшись, медленно выпустила воздух тонкой струйкой вниз. Сразу стала другой – задумчивой и, как казалось, спокойной.

– Видишь ли, то, что он делал со мной и с Ирочкой в детстве и отрочестве, попадает под несколько статей уголовного кодекса. Но он сам был милиционером. А мы с Ирочкой и мамой... кхм... не были милиционерами.

Я взял ее руку в свою:

– Не рассказывай, если не хочешь.

– Я и не рассказываю, – пожав мою руку в ответ, спокойно ответила Лена.

– Поэтому ты боишься Акрама?

– Ну вот еще, будет еврейка бояться мусульманина.

– В смысле? Ты – еврейка? – я удивленно вытаращился на Лену. Она никогда мне не говорила.

– По маме. Значит, таки-да. У меня даже четвертая группа крови.

– При чем тут группа крови?

– Четвертая группа крови очень редкая, и чаще всего встречается у евреев.

– Прикольнo...

– Надеюсь, тебя это не смущает?

– Почему это должно меня смущать?

– Ну и отлично. А то вдруг ты какой-нибудь тайный антисемит и по ночам читаешь «Майн Кампф».

Нам принесли спагетти и пиццу.

– Как классно! – Лена нетерпеливо потерла руки и наигранно улыбнулась. – Обожаю пиццу!

Я отделил нежный ароматный кусок с тянущимся сыром, не желавшим отделяться, и положил ей на тарелку.

– Битч! – вдруг резко хлестнула английским ругательством Лена.

– Что такое? – я с тревогой посмотрел на нее.

Лена снова набрала полные легкие воздуха и потом выпустила его через чуть приоткрытые губы.

– Мама... Она всегда такая навязчивая была, со всеми, кроме отца. Ради отца даже от своего еврейства отказалась и крестилась. Битч! Ну ладно, ладно... Это всё магнитная буря... и неблагоприятный лунный день. Извини. Лучше есть пиццу, – она взяла нож и вилку.

Мы ели с аппетитом, почти не разговаривая. Хотя я пытался сконструировать какие-то фразы, найти темы, отвлечь и развлечь Лену:

– Почему ты не спрашиваешь меня о моих сеансах у Игоря Ивановича? Не спрашиваешь, что я видел под гипнозом?

– Это ведь сложные и очень интимные вещи. Я ставлю себя на твое место и думаю, что мне не хотелось бы, чтобы кто-то приставал ко мне с расспросами. Даже если это близкий человек. Хотя, близкому еще труднее рассказывать. Я думаю, что тот, кто проходит через это, сам расскажет, когда почувствует нужный момент. Ты хочешь что-то рассказать? – улыбнулась она.

– Не то чтобы прямо сейчас, – я почувствовал себя застигнутым врасплох.

– Вот видишь. Я вообще думаю, что делиться этим лучше по прошествии некоторого времени, когда всё уляжется внутри, обретет свое новое место, придет в равновесие.

– Наверное, ты права. Ты как-то говорила, что тоже консультировалась с Игорем Ивановичем. А регрессивный гипноз с ним пробовала?

– Да. Однажды. Но это было ужасно и очень тяжело. Я больше не стала повторять.

– Ты попала в неприятное воспоминание из прошлого или тебе было физически тяжело?

– И то и другое. В результате у меня случился приступ удушья, и Игорь Иванович экстренно вывел меня из состояния гипноза. Больше я в гипноз никогда не погружалась. Но Игорь Иванович помог мне в некоторых других вопросах. Он очень хороший психотерапевт.

– Приступов удушья у тебя больше не было?

– Нет.

– Какое это было воспоминание из прошлого? Или не хочешь рассказывать?

– Не хочу и не буду. Даже неприятно, что вообще вспомнила об этом. Какой-то вечер глупых воспоминаний сегодня, – Лена отодвинула тарелку. – Знаешь, мне иногда кажется, что какая-то часть твоей сущности хочет моей смерти.

Я чуть не подавился:

– Что ты имеешь в виду?

– Это, наверное, нормально. Я читала в одной книжке по психологии, что у каждого человека бывают моменты, когда он желает смерти даже самым близким родственникам. Непроизвольно, конечно. По-моему, даже какой-то термин есть в психологии. Во всяком случае, у меня тоже бывали моменты, когда я желала твоей смерти.

Я ничего не ответил. Подумал, что Лена, наверное, права. Тем более, если даже в книжках по психологии такое написано. Во всяком случае, если быть честным с собой, я тоже иногда вдруг представлял, что было бы, если Лена умерла, и эта мысль не повергала меня в ужас, а наоборот, где-то внутри на нее откликалось непонятное чувство то ли любопытства, то ли странного удовлетворения. Откликалось слабо, почти незаметно, но достаточно для того, чтобы его уловить; уловить и отмахнуться. Прислушиваться к нему внимательнее было страшно.

– И еще в этой части твоей сущности я чувствую что-то от своей мамы – неопределённо, как в тумане. Как будто она там прячется, и, возможно, руководит тобой.

Зазвонил мой телефон. Я вздрогнул. Вытащив его из кармана, увидел на экране – Акрам. «Черт, этого еще не хватало...» Почти забыв о том, что мы с Акрамом договаривались о поездке к плохим парням, обидевшим Машу, я замер в ступоре.

– Кто это? Почему ты не отвечаешь? – Лена, как ни в чем не бывало, махнула пальчиком с красным ногтем в сторону моего мобильного.

– Акрам. Просто у нас с тобой важный разговор, не хочется его прерывать, – пробормотал я.

– Ответь, это же твой друг. Наверное, он все-таки хороший человек, если бы только не напоминал мне папашу... У нас бы и этого разговора сегодня не случилось, – добродушно усмехнулась она.

Я нажал на кнопку.

– Привет, – глухой голос Акрама.

– Привет. Как дела? – я, наоборот, говорил громче и развязнее обычного.

– Хорошо. Готов ехать.

– Да, только, знаешь, у меня тут сейчас не получается. Появились кое-какие дела. Давай завтра.

– М-м... – в низком сонорном звуке в нос слышалось недоумение. Но после этого затяжного «м» глухая невозмутимость вернулась в его голос.

– Хорошо, давай завтра.

– Отлично, – вздохнул я с облегчением. – Позвоню тебе.

– Что такое? – спросила Лена.

– Акрам звал пиво попить.

– В принципе, можно попозже. Почему ты соврал ему, что у тебя дела, а не сказал, что со мной?

Я неопределенно поднял руку.

– Что ты пристаешь, «почему» да «почему»? Сама тут какие-то ужасы рассказываешь, что я хочу тебя убить, а твоя мама мной управляет, и хочешь еще, чтобы я в это время спокойно разговаривал по телефону.

– Да, – вздохнула Лена, – я что-то много всего вывалила на тебя сегодня. Сама не знаю, почему.

Не дослушав фразу, я перегнулся через стол и поцеловал ее в губы. Она с готовностью ответила на поцелуй. Усевшись на место, я взял ее за руку. Некоторое время мы молчали, потом Лена прервала паузу:

– Да, сама не знаю, почему. Теперь ты расскажи мне что-нибудь, – она подняла на меня глаза.

– Мой отец... – я посмотрел поверх Лены и подумал о том, почему у меня вырвались эти слова «мой отец». Ведь я вовсе не собирался их говорить...

Раз... два... три... четыре... пять... Щелчок пальцев.

– Посмотри на свои ноги. Во что ты обут?

– Я обут в сандалии.

– Хорошо. Посмотри вокруг. Что ты видишь?

– Я вижу холмы и наше селение невдалеке.

– Есть ли кто-нибудь из людей около тебя?

– Да. Передо мной сидит старик в большом темном тюрбане. Очень большой тюрбан – раза в три больше его маленькой сухой головы.

– Кем тебе приходится этот старик?

– Никем. Он чужестранец. Пришел в наше селение с Востока. Ему никто не предоставил кров, и он ночует под открытым небом. Странно, мне кажется, что я знал его раньше. Сейчас, глядя на него, я почему-то вспоминаю Акрама, своего друга из нынешней жизни. Я чувствую симпатию к этому старику. Он любит петь и играть на странном ударном инструменте, состоящем из двух маленьких, соединенных нитью медных тарелочек. Мы с ним сдружились за те несколько дней, что он провел около нашего селения. Сейчас мы сидим на земле, друг напротив друга. Он достает небольшой мешочек и подмигивает мне. Показывает что-то жестом, сжав руку в кулак и отогнув мизинец и большой палец. Я не понимаю его. Он высыпает из мешочка на ладонь щепотку порошка и протягивает мне. Знаком показывает открыть рот. Я открываю, и он ловко, ногтем большого пальца, сыплет мне на язык странно пахнущую смесь. Она сладко-горькая на вкус. Я проглатываю ее. Чужеземец довольно смеется. Снова подмигивает мне своим черным глазом, и сам тоже глотает щепотку. Потом ложится на землю и нахлобучивает тюрбан на глаза. Чему-то смеется. Показывает мне палец, и опять смеется. Я тоже ложусь на землю. Он достает свой музыкальный инструмент и начинает мелодично звенеть тарелочками, качая из стороны в сторону головой и продолжая улыбаться. Я смотрю на медные тарелочки, мне нравится, как они выглядят. Они красновато-бурого цвета, колыхнутся после каждого удара. Постепенно красновато-бурый цвет светлеет, становится желтым, и медные тарелочки превращаются в золотые дороги. Эти дороги ведут к тюрбану чужестранца, превратившемуся в огромный, сияющий светом храм. Вокруг храма – поля с чудесными цветами и порхающими над ними ангелами. Я понимаю, что это – Небесное Царство. В храме, в столпе света, сидит Он, сияющий золотом. Он ничего не говорит, но я понимаю всё без слов. Я взлетаю, приближаюсь к Нему и касаюсь Его золотой руки, и в тот же миг сам весь наполняюсь золотом и превращаюсь в Него. Я вхожу в Его тело и заполняю Его собой полностью. Теперь уже я восседаю на золотом троне, и я огромен. Я знаю всё. Жизнь каждой былинки на Земле. У каждой былинки свое движение,

и в этом заключается прекрасный порядок, смысл и радость. Я знаю, что восседаю на троне уже вечность, и буду так же властвовать на нем до конца времен. Пока длится эта вечность, я чувствую, как золотые ножки трона начинают медленно осыпаться вниз. Трон разрушается, опадая тяжелыми золотыми слитками. Вслед за тронем моя золотая плоть точно так же начинает осыпаться вниз маленькими кусками, улетающими в бездну. Немного больно и холодно. Сияющие части моего тела, исчезнувшие в бездне, падают на землю и снова сливаются в единое целое. Я вижу смеющегося старика-чужестранца.

Я думаю о смысле этого невероятного откровения. Если я – золотая плоть от Его золотой плоти – значит, я – Его сын. И мой небесный отец хочет, чтобы я стал таким же, как Он. Он хочет, чтобы я занял Его место. Он хочет, чтобы я выполнял Его волю и звал всех в Его царство. Меня знобит, я дрожу всем телом. Неуверенно поднимаюсь на ноги. Меня всего трясет. Приходит ясное осознание того, что именно в это мгновение вся жизнь моя перевернулась. Как будто до этой минуты я спал, и только теперь проснулся. Новый мир вокруг и новый я так прекрасны и так реальны, что захватывает дух. Старик тянет меня за рукав вниз. Мне трудно стоять на ногах, но я не хочу садиться. Старик что-то лопочет на своем непонятном языке и снова тянет меня за рукав, чтобы я опустился на землю. Я улыбаюсь. Чувствую во всем окружающем пространстве золотого Бога-отца и безграничную любовь, которой Он наполняет мир. Ко мне приходит откровение, что если Бог-отец на Небе являет любовь, то я здесь на Земле нужен, чтобы свидетельствовать эту любовь. Старик продолжает бормотать, пытается подняться на ноги, но как мешок валится на бок. Я помогаю ему подняться с земли, удивленный тем, что силы так неожиданно его оставили и он не может удержаться на ногах. Старик, в свою очередь, как будто удивлен тем, что я могу стоять в полный рост и у меня есть силы помочь ему. Он восторженно покачивает головой, хлопает меня по плечу и смеется. Потом видит на земле выпавший из чалмы небольшой мешочек, поднимает его, вручает мне и смеется. В мешочке – порошок.

– Хорошо. Точнее, нехорошо, – с озабоченной хрипотцой в голосе проговорил Игорь Иванович. – Иностранец развращает юношу примитивным подсаживанием на наркотики, и это наверняка задало модель зависимости в последующих жизнях. Ну, ничего, мы это исправим. Мы изменим эту ситуацию в твою пользу. Вы сидите с иностранцем на земле. Иностранец протягивает тебе мешочек. Прежде чем брать его, задумайся, почему иностранец бесплатно угощает тебя? Что он делает в твоей стране? Почему в твоём селении никто не предоставил ему кров? И почему он, несмотря на это, не торопится уходить из селения, а хочет тебя чем-то угостить? Это всё очень странно и подозрительно. Ты чувствуешь подозрение?

– Да, – ответил я.

– Хорошо. Поэтому, когда он протягивает тебе мешочек с подозрительным веществом, ты уверенно отстраняешь его руку, встаешь и уходишь.

Игорь Иванович замолчал.

Я смотрел на забавного добродушного старика, показывавшего мне мешочек. Мне не хотелось отстранять его руку, вставать и уходить. В его внешности и поведении было нечто очень симпатичное, вызывавшее безоговорочное доверие. Когда Игорь Иванович говорил, подозрение возникло во мне на некоторое время, но потом исчезло. Старик протянул мне щепотку порошка, и я разжал губы.

– Ты ушел от старика? – спросил Игорь Иванович.

Я испуганно закрываю рот. Старик не успевает всыпать мне порошок.

– Нет, – честно признался я. – У меня до сих пор доверие к этому человеку.

– Хорошо, тогда начнем сначала, – в голосе Игоря Ивановича послышались нотки раздражения. – Вы сидите с иностранцем на земле. У иностранца очень недобрые глаза. У него не такой цвет кожи, как у тебя. Он говорит на языке, который звучит грубо и непонятно для тебя. От него неприятно пахнет. Он отвратителен и очень неопрятен. За пазухой его одежды ты вдруг видишь... спрятанный нож! Ты видишь нож?

– Да, я вижу нож, – тихо подтверждаю я.

– Ты понимаешь, что этот человек опасен. Всеми фибрами своей души ты чувствуешь исходящую от него опасность. Чувствуешь? Этот человек чужой и враждебный для тебя.

– Да, чувствую...

– Поэтому, когда он протягивает тебе подозрительную смесь, ты уверенно отстраняешь его руку, встаешь и уходишь. Быстро и уверенно отстраняешь руку, встаешь и уходишь... Ушел?

Старик вдруг становится чем-то похожим на Игоря Ивановича. Я понимаю, что они как-то связаны, и что старик неким образом подчиняется воле Игоря Ивановича. На самом деле всё происходящее – только постановочная сцена, розыгрыш, в котором старик играет определенную роль. «Ах, так вы договорились...» – я понимаю, что мне тоже нужно сыграть свою роль, и тогда всё благополучно закончится. Я уверенно отстраняю руку старика, встаю и ухожу.

– Я ушел, – подтвердил я Игорю Ивановичу.

– Отлично. Мы изменили эту важную для тебя ситуацию в лучшую сторону и спасли тебя от необдуманного поступка. Сейчас ты доволен тем, как разрешилась эта ситуация?

– Я... Я не уверен... Чувствую какое-то неудовлетворение.

– Кхм, – кашлянул Игорь Иванович, – да, первоначальный триггер запустил сильный сценарий зависимости на последующие жизни, и всё это не хочет теперь тебя отпускать, – негромко и вкрадчиво проговорил он. – Похоже на никотиновую зависимость, но только в психологическом плане. Поэтому тем более важно изменить самое первое действие – убрать триггер, вырвать его с корнем, – его голос повысился. – Мы это сделали и спасли тебя от роковой ошибки! – свою речь Игорь Иванович закончил в радостном возбуждении. – Так неужели ты недоволен тем, как мы изменили эту ситуацию?!

Я молчал, ожидая продолжения монолога психотерапевта. Но он больше ничего не говорил. Ощущая неловкость в продолжающемся молчании я, наконец, тихо произнес:

– Я доволен.

– Ну, отлично... – облегченно выдохнул Игорь Иванович. – Это значит, что нам пришло время выйти из этой ситуации.

Игорь Иванович выглядел уставшим. Прошло минут десять после окончания сеанса. Он сидел за своим столом и задумчиво вертел в пальцах ручку. Я понимал, что сеанс прошел не очень удачно, и мне хотелось выяснить, почему.

– Как-то не так прошел сеанс? – напрямую спросил я.

– Что? – он бросил на меня колющий взгляд, из которого исчезла обычная томная маслянистость. Но уже через секунду темно-карие глаза

вновь наполнились маслом. – Нет, всё отлично. Интересная ситуация, конечно, попалась, но всё замечательно разрешилось. Ты что, у меня двадцать пять лет опыта гипноза, десять из них – регрессивного. Как что-то может быть не так? – он мелко рассмеялся. – Всё прекрасно! Так ведь, Илья... как по батюшке?

– Владимирович.

– Так ведь, Илья Владимирович?

– Наверное... – смущенно подтвердил я.

– Что-то еще тебя беспокоит? – Игорь Иванович тепло посмотрел мне в глаза.

– М-м, да, – задумчиво проговорил я. – Одна вещь... Давно уже, в общем... Я чувствую, что во мне как-то очень мало любви. К людям, к миру вообще... Должен же быть у человека какой-то объем любви внутри, ко всему окружающему. Мне кажется, он у меня такой маленький, этот сосуд.

– Мало любви? А у кого ее много? Думаешь, у меня много? Любовь – это такая штука, не дается так просто. И не бывает много. У всех этот сосуд маленький, поверь. Насмотрелся я на людей. Так что всё с тобой нормально, не беспокойся.

5

– Нужны очки, – Акрам неторопливо поглаживал свою мягкую бороду.

– С гвоздиками? – уточнил амбал в пиджаке.

– С винтиками, – поправил Акрам.

– И? – выдавил амбал.

– Тебе они не идут, а девочке – в самый раз.

Амбал вытащил из внутреннего кармана пиджака очки. Я никогда не видел Машу в этих очках и теперь пытался представить, как она в них выглядит. Не получалось. Очки выглядели броско и даже в некоторой степени вульгарно. Мне показалось странным, что Маша могла носить такие очки. Да и вообще всё происходящее выглядело нелепым и глупым – трое взрослых мужчин входят в некую конфликтную ситуацию с трудно предсказуемой развязкой из-за дешевых очков пятнадцатилетней девчонки.

– Подарю любовнице, – амбал убрал очки обратно во внутренний карман.

– Мне звонить? – спросил Акрам.

Амбал пожал плечами.

– Сам-то я не хочу звонить, – признался Акрам.

Амбал снова пожал плечами. Акрам достал мобильный телефон, выбрал из списка контактов нужный номер и нажал кнопку. Через несколько секунд на том конце ответили.

– Здравствуй, дорогой! Как дела, как дочь? – лицо Акрама расплылось в улыбке. – Да ты что, капризничает, не спит по ночам? А ты попробуй мазь для зубов. Не помню, как называется, но ты спроси в аптеке. У нее это всё от того, что зубки режутся. После мази сразу легче становится.

Амбал непонимающе перевел взгляд на меня, потом обернулся ко входу в клуб.

– Уже пробовали, не помогает? – продолжал Акрам. – Попробуйте другую, сейчас много аналогов. В субботу, как, всё по плану? Пятая игра, решающая, да. Там и посмотрим, да... Ну хоп тогда, до выходных. Нет, больше никаких вопросов. Так просто звонил, насчет выходных подтвердить. Ну, пока, жене привет.

Амбал сплюнул в сторону. Акрам убрал трубку от уха. Отключив телефон, он какое-то время молча смотрел на амбала в пиджаке. Потом спросил:

– У тебя мобильный есть?

– Да, а чё? – амбал добавил угрожающие нотки в свой голос.

– С фотоаппаратом?

– Да, а чё?

– Сфотографируешь меня?

– Зачем?

– Для своего шефа. Он будет благодарен.

Амбал непонимающе переводил взгляд с Акрама на меня и обратно. Потом опять сплюнул в сторону, снова оглянулся и достал мобильный телефон. Навел его на Акрама.

– Я пошутил, – улыбнулся Акрам, – сфотографируй только это, – он протянул амбалу свой телефон с высвеченным на экране номером, на который только что звонил. – Сфотографируй и покажи своему шефу.

Амбал молча сфотографировал.

– Твой шеф может не узнать этот номер, – продолжил Акрам, – тогда скажи ему, что это номер Владимира Гостева, начальника налоговой вашего района. Пусть он проверит. У них в налоговой большой недобор по налогам в этом квартале. А мы приедем еще раз, завтра. Хорошего вечера, – он развернулся и пошел к машине. Я – за ним.

Когда вечером мы с Леной сели ужинать, то обнаружили, что у нас осталась одна-единственная вилка.

– Нет, так больше нельзя! – Лена с шумом задвинула ящик со столовыми приборами. – Мы же не можем теперь, чтобы один из нас ел, а другой смотрел. Да и вообще – меня это очень волнует, давай, посмотрим вилки за тумбочкой.

– Давай.

Мы отодвинули тумбочку. За ней на полу – пыль и грязь, засохшие картофельные очистки и две рублевых монеты. Ни одной вилки. Я отодвинул от стены газовую плиту. За ней тоже ничего. За мойкой – тоже. Пропавшие вилки никуда не заваливались. Исчезли каким-то другим, необъяснимым и, возможно, неизвестным науке образом.

Лена выглядела расстроенной. Я обнял ее:

– Не расстраивайся. Купим новый набор.

– Но дело же не в новом наборе, а в том, как и куда могут исчезать вилки из квартиры. Тебя это разве не беспокоит?

– Беспокоит, но... Может, есть какое-то объяснение... Помнишь, к нам приходили гости. Может быть, у кого-то из наших друзей kleптомания, например...

– Отодвинь холодильник, пожалуйста.

Я отодвинул холодильник. Под холодильником, кроме пыли и грязи, лежала чайная ложечка.

– Вот видишь – зато ложечку нашли, – обрадовался я, – всему найдется логическое объяснение...

– Но это ложечка, а не вилки, которых у нас пропало пять штук. Отодвинь еще стиралку и шкаф.

Отодвинуть стиралку оказалось сложнее. Тем более что она была зажата с одной стороны газовой плитой, с другой – шкафом. Лена пришла мне на помощь, и вдвоем мы оттащили ее от стены. За стиралкой около плитуса лежала одна мельхиоровая вилка.

– Ура! Одна есть! – радостно воскликнул я. – Вот видишь, всё находится.

– Это только одна, – озабоченность не покидала Лену. Точнее, она немного уменьшилась, но совсем ненамного – как мне показалось, прямо пропорционально количеству найденных предметов, то есть на двадцать процентов.

Мы расставили мебель по местам и сели за стол.

– Я иногда чувствую, что в этой квартире что-то не то... – негромко проговорила Лена.

– Из-за вилок?

– Из-за них тоже. Еще из-за дивана, конечно – что он стоит не по фэн-шю... Но и вообще в целом... Странная энергетика.

– Может, здесь барабашка водится? – улыбнулся я.

– Вполне возможно, – серьезно ответила Лена. – Еще и ты как-то изменился с того времени, как начал ходить на актерские курсы. Чувствую в тебе что-то новое.

– Хорошее или плохое?

– Разве можно так упрощенно рассуждать о подобных вещах?

Мы замолчали.

– Если тебя так беспокоит диван, давай все-таки его передвинем, – прервав паузу, предложил я.

– Но тогда нам придется выкинуть тумбочку с телевизором...

– Что-нибудь придумаю. Обещаю, – я погладил Лену по руке.

Первый раз за всё время психотерапевтического лечения мне не хотелось идти к Игорю Ивановичу. Внутри поселилась какая-то тревога. Я уже хотел было задержаться на работе и не пойти, но позвонила Лена и уговорила поехать на сеанс.

– Ты попадаешь в один из важных дней своей прошлой жизни. Посмотри на свои ноги. Во что они обуты?

– Я обут в сандалии.

– Хорошо. Посмотри вокруг. Что ты видишь?

– Труп чужеземца. Он лежит около кустарника. Его убил кто-то из нашего селения. У меня внутри есть подозрение, что его убил мой старший брат. В селении никто не опечален смертью чужеземца. Скорее, даже наоборот. Мне кажется, что люди рады его смерти. Я единственный, кто скорбит над его телом. Боль и обида наполняют мою душу: доброго человека убили только за то, что он был чужестранцем, верил в каких-то своих странных богов и говорил на непонятном языке. Я снова думаю о том, как зол, жесток и несправедлив этот мир, и хочу скорее в мир небесный к своему отцу. Я достаю порошок, которым меня угощал чужеземец. Он научил меня делать его из грибов и трав, подсушивая их, растирая и смешивая вместе. Я слизываю щепотку. Боль и страх уходят из моего сердца. Я снова сижу на троне и ощущаю бескрайнюю власть над собой и всем сущим. Любовь свершается в этот момент, и я свидетельствую ее. Потом всё становится холодным и осыпается вниз. Теперь я лежу на земле. Надо мной стоит моя мама:

– Иисус, что с тобой? Тебя опять кто-то побил?

Я улыбаюсь и ничего не говорю. Я чувствую присутствие чуда. Исчезают страх и мысли. Я понимаю, что нельзя любить, пока внутри страх и мысли. И это моя последняя мысль в тот момент. Я встаю и иду куда-то, свидетельствуя любовь.

– Ну-с, хорошо, – тихо мурлычет Игорь Иванович. – Последствия психологической травмы от убийства знакомого приводят тебя к тому, что возникает желание создать свой воображаемый мир, которым ты можешь

управлять, и в котором тебе будет комфортно. Но в будущем это только усугубит проблему, а возникающая наркотическая зависимость погубит тебя. Поэтому давай с самого начала исправим эту ситуацию. Ты снова видишь перед собой тело умершего знакомого. Ты видишь его?

– Да, я вижу тело чужеземца около куста.

– Ты чувствуешь определенную долю вины из-за того, что он задержался в твоём селении благодаря дружбе с тобой и погиб. Из-за этого латентного чувства вины тебе кажется, что его убил твой старший брат. Хотя это не так. И твоей вины в его смерти нет. Он сам ответственен за свои поступки и сам должен был чувствовать, как вести себя в твоём селении, чтобы не обидеть местных жителей. Но тебе дорог этот человек, и теперь ты выполнишь всё то, что живой должен сделать по отношению к мертвому, отдав тем самым последний долг своему знакомому. Ты похоронишь его по обычаям и с почестями, которые приняты у тебя в селении. Это всё, что ты сейчас можешь сделать для этого человека, и ты полностью выполняешь свой долг перед ним. Ты делаешь это?

– Да. Я оборачиваю его тело в длинные материи. Потом отношу к пещере в горе и кладу там. Над его телом я молюсь Отцу Небесному...

– Нет-нет, давай без Отца Небесного... – в голосе Игоря Ивановича слышится раздражение. – У чужеземца наверняка свои боги, которых ты не знаешь, так что пусть он сам с ними разбирается, когда попадет в рай.

– А он точно попадет в рай?

– А как же... Можешь не сомневаться. Просто оставь его тело в пещере, поблагодари мысленно за всё, что он дал тебе в этой жизни, прости с ним и выйди из пещеры. И в тот момент, когда ты выходишь из пещеры, ты наполняешься радостным чувством удовлетворенности от исполнения своего долга перед ближним. Свободный, умиротворенный и счастливый, ты идешь вперед. Ты чувствуешь это?

– Да, я чувствую себя свободным и умиротворенным.

– Очень хорошо. И тогда нам пришло время выйти из этой ситуации и переместиться в другой важный день твоей прошлой жизни. Посмотри на свои ноги. Во что они обуты?

– В сандалии.

– Подними глаза, посмотри вокруг. Что ты видишь?

– Желтую глинисто-песочную землю, мелкие кустики, небольшие камни. Здесь очень жарко. Я уже давно нахожусь в этом месте. Моя кожа покрыта струпьями, губы – растрескавшиеся и сухие. Я пришел сюда, потому что мог свидетельствовать любовь и видеть будущее царство Отца моего, но не мог делиться этим с другими. Я был лужей, но хотел стать колодезем, чтобы не могли осушить меня за день и я мог утолять жажду приходящих ко мне бесконечно. Для этого нужно было остаться наедине с собой. Здесь я становился большим и глубоким. Но сейчас... Сейчас я взалкал по миру. Я глажу свои волосы, они сухие и жесткие. Потом достаю мешочек, лижу порошок. Он тоже сухой и жесткий. Жую его. Сажусь на колени. Воздух дрожит. Снова глажу свои волосы. Ко мне кто-то подходит и спрашивает: «Хочешь хлеба и рыбы?». Мне кажется, что я уже слышал раньше этот голос. Я не отвечаю. «Хочешь хлеба и вареной рыбы?» – повторяет голос. Я догадываюсь и с вызовом спрашиваю в ответ: «А порошок у тебя нет лизнуть?». Он не понимает меня, и я с радостью улыбаюсь – значит, порошок действительно не от него, а от Бога. «Хочешь хлеба и рыбы?» – эхом продолжает звучать фраза. – «...Хлеба и рыбы?» Вдруг голос его меняется, и как всё вокруг, становится сухим и жестким: «Если ты

Сын Божий, то скажи, чтобы камни сии сделались хлебами». Мне смешна его глупость. Я отвечаю: «Написано: не хлебом единым будет жив человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих».

Вдруг он обнимает и поднимает меня, уносит прочь, и мы оказываемся в Иерусалиме, на крыле храма. Он говорит: «Если ты Сын Божий, то бросься вниз, ибо написано: Ангелам своим заповедает сохранять тебя и на руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею». Я отвечаю ему: «Написано также: не искушай Господа Бога твоего».

Он снова поднимает меня и относит на высокую гору. Показывает все царства Вселенной и говорит: «Тебе дам власть над всеми этими царствами, и славу их, если ты поклонись мне». Я отвечаю ему: «Отойди от меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и ему одному служи».

Дьявол становится красно-оранжевым и огромным. Он ужасно вопит, громко и пронзительно. Но мой взгляд обращен не на него, а в мое сердце. Оно полно любви, и страху в нем места нет. Я свидетельствую любовь и смотрю кротко на дьявола. Он – такой огромный, красно-оранжевый, колеблющийся и движущийся – вдруг исчезает. Я еще слышу эхо его вопля.

Я снова один в пустыне. Ложусь на землю и смотрю, как колышутся маленькие кустики травы, как движутся песчинки, сдуваемые горячим ветром. Во рту сухо. Потрескавшиеся и огрубевшие губы превратились в корки. Лицо покрыто многодневной пылью. Вокруг парит желтая ломкая жара...

Я вынырнул из прохладной воды. Ее температура сегодня была ниже, чем обычно. Подплыл к бортику, на котором стоял бокал с безалкогольным мохито – почти полный. Сделал пару глотков. Поставил бокал на место и снова погрузился в прохладную воду, поплыл по дорожке к противоположному краю бассейна. Месячный абонемент в дорогой аква-центр, где официанты приносят напитки прямо тебе в бассейн, достался мне случайно. Наша фирма досрочно выполнила заказ по поставке и установке мебели для этого центра, и его директор подарил нашему коллективу три квартальных абонемента. Абонемента разыграли по жребию между всеми сотрудниками, и один из трех счастливых билетов достался мне.

Я сбежал от психотерапевта. Когда всеми клетками своего тела почувствовал ту ломкую жару, навалившуюся на меня грубой тяжестью, я судорожно сглотнул, дернулся телом, открыл глаза и, ничего не объясняя, поднялся с кресла и выбежал мимо психотерапевта в дверь. Сел за руль машины, повернул ключ стартера, включил скорость и поехал сюда, в аква-центр. Все это время меня не отпускала мысль, как я расскажу вечером о произошедшем Лене, когда она спросит меня о прошедшем сеансе.

Звонок мобильного телефона. «Ну вот, нужно будет рассказать сейчас». Но на экране высветилось другое имя.

– Привет. Я готова подарить тебе сексуальность, сегодня, – Машин голос с тонким придыханием-прихихикиванием.

Продолжение в № 1, 2024.

